

·thebigbook·

КНИГИ
ДЭНА СИММОНСА,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»

ТЕРРОР

•

ДРУД

•

ПЯТОЕ СЕРДЦЕ

•

ТЕМНАЯ ИГРА СМЕРТИ

•

ЛЕТО НОЧИ

ДЭН
СИММОНС

ЛЕТО
НОЧИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 37

Dan Simmons
SUMMER OF NIGHT
Copyright © 1991 by Dan Simmons
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Брусовой,
Дарьи Кальницкой (предисловие)

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16582-3

© О. Г. Брусова, перевод, 2007
© Д. С. Кальницкая, перевод предисловия, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Предисловие к юбилейному изданию

С момента публикации «Лета ночи» в 1991 году я получил столько бумажных и электронных писем с отзывами об этом романе, сколько не получал ни об одном другом (за исключением, возможно, «Гипериона»). Самое интересное, что в подавляющем большинстве эти отправленные из разных уголков мира письма пишут люди приблизительно моего возраста, которые помнят свое детское лето 1960-го (время действия романа) и которых чтение тронуло до такой степени, что им хочется рассказать, насколько ощущение свободы из их детских воспоминаний похоже на свободу описанных в «Лете ночи» детей. А потом мои корреспонденты жалуются, что у их детей и внуков такой свободы нет. Мне всегда странно думать: как так вышло, что у человека, выросшего во Франции, в России, Японии или Израиле (письма приходили и из этих стран), детство оказалось похожим на детство моих героев в маленьком американском городке в 1960 году?

На первый взгляд «Лето ночи» — роман ужасов, но на самом деле он посвящен присутствующим детству тайнам и недомолвкам. А еще он повествует об отдельном мире детства, который мы потеряли или, вероятно, вот-вот потеряем. Быть может, это и есть основная причина, почему столько людей приняли этот роман так близко к сердцу.

Но каковы же другие общие для всех составляющие, благодаря которым читатели из разных уголков мира смогли так полно отождествиться с Майком, Дейлом, Лоренсом (ни в коем случае не Ларри), Кевином, Харленом, Корди и другими детьми из «Лета ночи»?

Ку-ка-ре-ку!

Я полагаю, что этот тайный и общий для всех компонент — свобода, которая была у детей в 1960-м, возможность обитать в своих собственных мирах... быть детьми в активном физическом мире, отделенном от родителей и других взрослых, но тем не менее настоящем, насыщенном детском мире, который, как я тоже искренне полагаю, в двадцать первом веке почти исчез.

Ранним летним утром Дейл, Лоренс, Майк, Кевин и Харлен махали на прощание своим мамам (хотя мама Джима Харлена не всегда присутствовала), а потом их чаще всего никто не видел до самого ужина или даже до ночи.

На двадцать девятой странице первого издания «Лета ночи» в твердой обложке эти пятеро ребят из Велосипедного патруля отправляются вечером «патрулировать» свой городок Элм-Хейвен в штате Иллинойс:

— Поехали, — тихо сказал Майк.

Он привстал на педалях, пригнулся к рулю и рванул вперед, взметнув за собой тучу пыли.

Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен помчались за ним.

В тихом сером сумраке они двинулись вдоль Первой авеню на юг, то минуя густую тень вязов, то внезапно оказываясь на более светлых участках. Слева расстились поля, темные силуэты домов возвышались справа.

Представьте себе, что сегодня компания одиннадцатилетних ребят куда-то уехала вечером на велосипедах и не вернулась домой до темноты. По телевизору тут же бы объявили тревогу по системе поиска пропавших детей. Ночное небо уже бы пронзали прожектора поисковых вертолетов. Рыдающие родители давали бы интервью в вечерних новостях.

Если бы летним вечером в Элм-Хейвене Майк, Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен вернулись на своих велосипедах домой после десяти, их, возможно, отругали бы (Кевина его беспокойная мать, вероятно, ругала бы и расспрашивала обстоятельнее прочих, а Харлен, чья мать, скорее всего, пропадала где-нибудь на свидании, вообще остался бы без взбучки), но вряд ли слишком сильно.

Вот что можно прочитать в начале третьей главы «Лета ночи»:

Не так уж много событий в жизни человеческого существа — по крайней мере, человеческого существа мужского пола — быва-

ют столь роскошными, бесценными, наполненными предвкушением вожделенной свободы и счастливого будущего, как первый день лета для одиннадцатилетнего мальчишки. Грядущее лето можно уподобить роскошному пиру, а времени впереди так много и тянуться оно будет так медленно, что каждый день покажется нескончаемо долгим и позволит смаковать каждое блюдо этого пира.

Как учитель начальной школы с восемнадцатилетним стажем, я читаю множество заявлений из разных школьных округов в разных концах страны, которые призывают отменить летние каникулы, утверждают, что дети должны учиться круглый год, и от этого мне становится тошно.

Разумеется, трехмесячные летние каникулы — это пережиток, оставшийся с тех времен, когда дети всех возрастов использовались в качестве бесплатной рабочей силы на фермах и ранчо во время сева или жатвы или когда клеймили или загоняли скот.

Конечно, детям свойственно забывать кое-что из пройденного за предыдущий учебный год, когда каникулы растягиваются более чем на два месяца, а в школу все возвращаются только в конце августа или в начале сентября, поэтому потом приходится заново втолковывать некоторые темы.

«И что с того?» — отвечаю я на это. Какой же человек в здравом уме променяет роскошный пир, когда времени впереди так много и тянуться оно будет так медленно, что каждый день покажется нескончаемо долгим и позволит смаковать каждое блюдо этого пира, пира свободы, на несколько зазубренных строк из таблицы умножения?

Как учитель начальной школы с восемнадцатилетним стажем, могу подтвердить, что позабытые за лето обрывки знаний преподаватель может восстановить за несколько недель в первый же месяц нового учебного года. (А еще могу подтвердить, что большую часть этих потерянных обрывков на самом деле не стоило и заучивать.)

Но зато всегда будет то самое чувство, которое испытывают Дейл и Лоренс Стюарты, просыпаясь в первый день лета, такое чувство, «как будто мрачная завеса школьного года наконец поднялась и позволила миру вернуть все присущие ему краски».

Кто же в здравом уме променяет это драгоценное летнее многоцветье и детскую свободу на несколько паршивых фактов по обществознанию или списки слов по правописанию?

Радио в курятнике

Дети из Велосипедного патруля любили собираться в курятнике Майка О'Рурка. В романе описывается, как они приехали туда в свое первое свободное летнее утро 1960 года.

Кур там уже не держали, но запашок остался. Кто-то притащил в курятник старый продавленный диван с торчащими пружинами и несколько колченогих кресел. Еще кто-то (вероятно, мистер О'Рурк) водрузил в углу корпус от огромного коротковолнового напольного радиоприемника 1930-х годов. Пока ребята, в том числе и приехавший со своей фермы страшно умный толстяк Дуэйн Макбрайд, слоняются по курятнику в первый летний день, Джим Харлен залезает за радиоприемник, а потом и в сам корпус. Сидя там, он сначала пощелкивает, изображая разогревающиеся лампы, потом шуршит, воспроизводя шум помех, а потом:

— Вот игрок отходит назад! Еще назад! Он направляется к правой стене «Комиски-парк»! Прыгает за мячом! Он уже на стене! Он...

— А-а, тут ничего интересного, — снова пробормотал Дуэйн. — Та-та-ти-та-та... Вот. Попробуем лучше Берлин.

— *Ach du lieber der fershtugginer ball ist op und outta hier!* — донесся голос Харлена, мгновенно сменившего необыкновенно протяжный чикагский говорок на тевтонскую манеру произношения, отрывистую, резкую. — *Der Fürher ist nicht gehappy. Nein! Nein! Er ist gerflugt und vertunken und der veilige pissstoffen!*

— И здесь тоже ничего путного, — пробормотал Дуэйн. — Попробуем Париж.

Когда сейчас я читаю или слышу об интернет-сообществах, я вспоминаю Майка, Дейла, Лоренса (ни в коем случае не Ларри), Дуэйна Макбрайда, Кевина и их друзей из Велосипедного патруля, которые собираются в курятнике Майка, а потом снова вскакивают на велики и мчатся куда-нибудь. Для меня «интернет-сообщества» — это просто очередные тексты, очередные элект-

ронные кляксы на стеклянной странице, очередная стеклянная титька¹, к которой в наши дни дети и взрослые, сидя дома, могут присосаться, вместо того чтобы выйти на свет и вступить во взаимодействие с настоящим миром. Почему же сегодняшние дети до чертиков много говорят, но почти ни черта не делают?

Ответ, возможно, частично заключается в том, что мы украли у них почти весь настоящий мир.

Как мы крадем у наших детей пространство

У мальчишек (и почти всех девчонок) в Элм-Хейвене летом 1960-го был очерчен свой радиус для развлечений, в пределах которого они разъезжали на велосипедах.

Если объехать весь городок Элм-Хейвен — получалась где-то миля. Если ехать на восток от города мимо бара «Под черным деревом», через холмы и в леса к Дохлому ручью у подножия холма и к кладбищу Святого Креста Господня на вершине следующего холма — получалось чуть больше полутора миль по гравийной дороге. До располагавшейся дальше фермы дяди Генри и тети Лины — две мили без особого напряжения, еще через полмили — дом Дуэйна Макбрайда. Если пройти за кладбище Святого Креста Господня и около мили шагать по лесу — попадешь в заброшенные каменоломни, прозванные Козлиными горами, еще две мили по дремучему лесу — выйдешь на загадочную Цыганскую дорогу.

Милях в четырех, в основном по гравийной дороге, располагался Каменный ручей, где ребята плавали на глубине под однополосным автомобильным мостом (это там водились раки). Плевое дело. В четырех-пяти милях по той же дороге от Каменного ручья — национальный парк Джубили, путешествие туда на велосипеде занимало целый день, потому что надо же было еще успеть

¹ Отсылка к сборнику Харлана Эллисона «The Glass Teat: Essays of Opinion on Television» («Стеклянная титька: Сочинения о телевидении», 1970), составленному из его статей с телекритикой, которые публиковались в газете *Los Angeles Free Press* в 1968–1970 гг. Более поздние статьи были собраны в книге «The Other Glass Teat» («Другая стеклянная титька», 1975). (*Здесь и далее примеч. перев.*)

поиграть, побродить по окрестностям, погрозиться сигануть с высоченной скалы Писающих влюбленных¹, которую мальчишки прозвали так, потому что Харлен как-то с нее помочился.

Родители с утра не спрашивали, куда направляются дети, а дети им не рассказывали. Правильная политика.

Таким образом, в любой отдельно взятый летний день территория, на которой эти ребята из Элм-Хейвена могли играть без присмотра (если погода годилась для езды на велосипеде), достигала в поперечнике десятка миль, а путь туда-обратно составлял двадцать миль. С 1960 года ситуация несколько изменилась.

Я пытался найти какие-нибудь надежные социологические данные о том, насколько именно за последние три-четыре десятилетия сократилось пространство, в котором могут свободно перемещаться дети восьми-двенадцати лет, но, даже воспользовавшись помощью гораздо более продвинутых в смысле поиска пользователей с моего интернет-форума, сумел выяснить очень немного. Приходится руководствоваться личными наблюдениями и историями из жизни других, а подавляющее большинство утверждает, что в двадцать первом веке дети практически сделались пленниками в собственных домах и дворах, пленниками составленного их родителями расписания.

Передо мной интересная статья Санфорда Гастера «Доступ городских детей к своему району: как он изменился за несколько поколений» в двадцать третьем выпуске журнала «Среда и поведение» за январь 1991 года.

Как и следует из названия, статья рассказывает о том, что за три поколения американские дети потеряли «пространство, в котором можно свободно перемещаться», но посвящена она городским детям и рассматривает поколения, жившие, в частности, с 1915-го по 1976-й в районе Инвуд на севере Манхэттена. Очевидно, что жизнь манхэттенских детей, скорее всего, не имеет никакого отношения к той свободе, которой пользовались Майк,

¹ Имеется в виду скала Прыгающих влюбленных (Lover's Leap), названная по легенде о прыгнувшей и разбившейся паре. Скала эта находится не в парке Джубили, а в парке Старвед-рок; именно этот парк фигурирует и в тексте романа. Однако рядом с Бримфилдом (реальный прообраз Элм-Хейвена) расположен не парк Старвед-рок (до него полтора часа езды на машине), а именно парк Джубили.

Кевин, Дейл, Лоренс, Дуэйн, Харлен, Корди и другие в 1960 году в крохотном городишке Элм-Хейвен в Иллинойсе («Население 650 / Внимание: автоматический контроль скорости»).

Но это не совсем так.

Среди самых первых обитателей Инвуда были ирландские, немецкие и русские иммигранты. Позднее несколько раз происходили наплывы выходцев из Италии, Польши, Греции и Армении. Инвуд был районом для рабочего класса, чистым и добропорядочным. В 1950-х там начали появляться первые афроамериканцы, а к моменту написания статьи значительную часть Инвуда занимали исключительно чернокожие семьи, так что в этих местах нельзя было провести исследование, касающееся белых детей.

Привольнее всего, с точки зрения абсолютной свободы, детям в Инвуде было в 1920-х и 1930-х годах: территория для игр включала леса, строительные площадки и огромный парк Инвуд-Хилл. В 1930-х во время политики Нового курса¹ Управление общественных работ США навсегда изменило местность, проложив магистраль Генри Гудзона прямо через парк Инвуд-Хилл. Эта магистраль Великой Китайской стеной пролегла прямо посреди лесов и территории, на которой играли дети. (В рамках того же проекта построили связавший Инвуд с материком мост Генри Гудзона и многочисленные съезды с него — сомнительное улучшение с точки зрения местных ребяташек.)

В то же самое время еще доступные дикие уголки парка Инвуд-Хилл «облагородили»: на месте лесов и тропинок появились дорожки, корты, спортивные и игровые площадки, скамейки и фонари. К середине 1960-х на нетронутых участках Инвуд-Хилла в основном промышляли молодежные чернокожие банды. Афроамериканское сообщество (родители и духовенство) быстро среагировали на эти перемены и перекроили свободное время своих детей, организовав разнообразные занятия под присмотром взрослых: управляемая взрослыми спортивная «малая лига», школьные программы, молодежные центры и тому подобное.

Таким образом, не входившие в молодежные банды дети из афроамериканских семей в возрасте от восьми до тринадцати лет

¹ Экономическая политика, проводившаяся правительством Ф. Д. Рузвельта для вывода страны из Великой депрессии после биржевого краха 1929 г.

первыми попали под строгий родительский контроль, и то время, когда они могли свободно бродить в лесах и на пустырях, сначала сократилось, а потом закончилось вовсе. А к 1970-м и белые дети точно таким же образом перешли под строгий контроль взрослых. Пространство в парке Инвуд-Хилл радиусом в три-пять миль, где дети могли свободно перемещаться в 1920-х, практически исчезло, дети (в основном из-за родительского страха перед бандами, наркодилерами и автомобилями) все больше времени проводили дома, на огороженных заборами дворах и охраняемых детских площадках.

Вот один из приведенных в статье выводов:

В течение почти всего нынешнего века в Инвуде действовали различные факторы, из-за которых значительно ограничились самостоятельные занятия, которым дети могли посвятить свое время в окрестностях дома. Самыми значительными факторами выступили сокращение количества и разнообразия тех мест, куда могли отправиться дети, и все возрастающий контроль взрослых над играми за пределами дома. Нельзя свалить всю вину на преступность, упадок физической среды и автомобильное движение [процитировано точно по оригиналу!].

В 1920-х годах Инвуд был захвачен стремительным и почти безостановочным процессом — там раскапывали, строили, сносили и занимались разными другими преобразованиями, а потому в распоряжении местных детей оказался целый мир, где можно было играть без присмотра, — котлованы, скалы, фермы, болота, леса, амбары, отдельные большие дома и строительные площадки. К 1940-м годам строительство в Инвуде практически завершилось, численность населения достигла максимума, а запланированные в ходе Нового курса изменения ландшафта были воплощены в жизнь, и в результате всего этого среда для игр упростилась и оказалась под контролем: площадки, поля для игры в бейсбол, а в 1950-х годах и многоквартирные дома.

Обстановка, в которой росли дети в Инвуде в 1940-х, зеркально отражает ту, в которой рос я сам с моим младшим братом в Де-Мойне в 1956–1957 годах. За нашим домом располагался частный заказник, дальше на две с лишним мили растянулась лощина с «городскими лесами», которая соединялась с огромным лесным заповедником, где практически не было тропинок или каких-либо облагоустроенных участков. Более того — вокруг этой лощины строились мириады домов, а любой мальчишка вам под-

твердит, что строительные площадки — заброшенные ямы, котлованы, насыпные холмы, недостроенные дома и даже оставленная по вечерам и выходным без присмотра строительная техника — это превосходное место для игр. И мы использовали его по полной и вытворяли, что душе вздумается: забирались на верхние этажи недостроенных домов, где еще не было ни пола, ни крыши, и ходили там по узким доскам; устраивали сражения, бросаясь комьями земли; клеивали моего младшего брата (он всегда был самым отчаянным сорвиголовой среди всех) скотчем в большой картонной коробке и спускали эту коробку с вершины тридцатифутовой горы напрямик в наполовину заполненный водой строительный котлован глубиной двадцать футов (моему братишке, подобно Гудини, всегда удавалось выбраться).

Потом мы переехали из Де-Мойна в крохотный городишко Бримфилд в центральном Илинойсе («Население 650 / Внимание: автоматический контроль скорости»), который позже послужил прообразом Элм-Хейвена, и наше пространство, где можно было свободно перемещаться, увеличилось в разы — не только потому, что мы стали на пару лет старше. Теперь нужно было немного дальше (почти пять миль) ехать на велосипеде и идти пешком, чтобы в заброшенном гравийном карьере в лесу (Козлиные горы) клеивать моего братишку Уэйна скотчем в чуть более просторной коробке и спускать ее с чуть более высокой (пятьдесят футов) горы в чуть более глубокий (двадцать пять футов) котлован, заполненный водой целиком. Но оно того стоило. (Уэйн выбирался из коробки. Так или иначе. Но довольно долгое время мы просто смотрели на пузыри, всплывающие на поверхность темной воды, а потом, еще дольше, на гладкую поверхность без всяких пузырей. Признаюсь, в такие моменты я прокручивал в голове множество всевозможных сценариев — как лучше преподнести пытливым родителям кончину своего младшего братишки. По большей части в таких историях фигурировали цыгане, которые выбежали из леса, клеили Уэйна скотчем в коробке и сбросили в котлован, пока мы все лежали связанными.) (Трудно быть старшим братом.)

Мои друзья-исследователи нашли довольно большое количество британских материалов, посвященных ограничениям, связанным с играми и перемещением детей, и результаты этих исследо-

ваний по большей части совпадают с тем, что я слышу из рассказов друзей и вижу сам здесь в США: свобода перемещения у детей восьми-одинадцати лет практически исчезла.

Вот начало одной такой статьи, в которой приводятся результаты различных исследований, в газете «Обсервер» за 3 августа 2008 года:

Сцена, олицетворяющая детство: маленькие братья и сестры бегут к кряжистому дубу, повисают на нижних ветвях и изо всех сил карабкаются вверх. И все же миллионы детей лишены такого удовольствия, потому что обеспокоенные родители не хотят подвергать свои чада риску.

Согласно результатам одного крупного исследования, проведенного в рамках проекта «Плей-Ингленд» под эгидой Национального управления по делам детей Великобритании, половине опрошенных детей запрещали залезать на деревья, 21 % детей запрещали играть в «каштанчики», 17 % — в салочки. Некоторые родители в своем стремлении защитить доходят до того, что отказывают детям в праве играть в прятки.

Я не знаю, как играть в английские «каштанчики», но у меня было детство (и в этом детстве случались под рукой мячики и комки грязи), поэтому я догадываюсь. Дальше в статье говорится:

Стремление обращаться с детьми как с хрупкими предметами, которые следует заворачивать в вату, изменило детство. Согласно исследованиям, у 70 % нынешних взрослых самые значительные приключения в детстве происходили на воздухе, среди деревьев, рек и лесов, сегодня так можно сказать о 29 % детей. Большинство опрошенных детей заявили, что их самые значительные приключения происходили на детских площадках.

Самое значительное приключение в жизни ребенка случилось на вшивой детской площадке??!! Да Дейла, Лоренса, Майка, Дуэйна, Кевина, Харлена и их друзей стошнило бы от подобного утверждения. (А Корди Кук сначала бы посмеялась от души, но потом ее бы тоже стошнило.)

Читая «Лето ночи», вы увидите, что даже в центре города, на огромной детской площадке во дворе большой и страшной Старой центральной школы, самым любимым детским аттракционом была новехонькая гигантская бочка-отстойник высотой восемь футов: эту бочку подкатали к самой высокой горке (такую сего-

дня не разрешили бы ни на одной школьной площадке), и детишки играли там в «короля горы» — сталкивали друг друга вниз, тут же взбегали по горке обратно, снова прыгивали на предательски скользкий изогнутый бок, и опять все по новой.

Это будет покруче «каштанчиков».

Последняя британская статья, которую раскопали мои друзья-исследователи, называется «Как за четыре поколения дети потеряли право свободно перемещаться», она опубликована в 2007 году, и ее название очень точно описывает положение дел и в Англии, и в США, у детей и из пригородов, и даже из маленьких городков.

Там описывается многолетнее исследование, в котором участвовала одна семья и в котором оценивалось то пространство, где могли свободно перемещаться дети восьми лет (самая нижняя граница интересующей меня возрастной группы от восьми до двенадцати) с 1919-го по 2007-й.

Прадедушке Джорджу, которому восемь исполнилось в 1919-м, разрешали уходить на шесть миль от города на рыбалку. Дорога по большей части пролегла через дремучие леса, по железнодорожным путям, проселкам и тропинкам.

Дедушка Джек, которому восемь исполнилось в 1950-м, мог углубляться в лес где-то на расстояние мили. *Но он играл в лесу один или с друзьями-одногодками!* Как и мальчишки из Элм-Хейвена 1960-го, Джек большую часть времени проводил на улице, и почти не сидел дома с радио или телевизором. (На момент написания статьи ему было восемьдесят восемь, и он все еще оставался «большим любителем пеших прогулок».)

Мать по имени Вики, которой восемь стукнуло в 1979-м, могла одна ходить в городской бассейн, располагавшийся где-то в полумиле от дома. Но Вики добавляет: «Я вполне свободно перемещалась — ездила на велосипеде по окрестностям, играла с друзьями в парке и сама ходила в бассейн и в школу».

Современному ребенку, сыну Эду, которому восемь исполнилось в 2007-м, разрешают одному доходить лишь до конца улицы — это около трехсот ярдов.

И даже это расстояние свидетельствует о большей свободе, чем та, которой, по моим наблюдениям, пользуются местные дети. Сыну наших соседей не разрешали выходить со двора без

присмотра, пока ему не исполнилось двенадцать, хотя наш «старый район» в исторической части города считался сравнительно безопасным и напоминал отдельный маленький городок. Когда мальчуган наконец начал ездить на велосипеде, ему каждый раз приходилось облачаться в доспехи, достойные средневекового рыцаря, — он надевал не только шлем, но и ножные щитки из магазина для любителей роликовых коньков. (Интересно, как же это Майк, Дейл, Лоренс, Кевин, Харлен и другие ребята из Элм-Хейвена обходились без велосипедных шлемов? В те времена взрослые не катались на велосипедах, так что перед глазами не было прекрасных примеров в виде затянутых в спандекс дядек и тетек, вцепившихся в руль велосипеда стоимостью в три с половиной тысячи долларов и прикрывших свои бесценные черепушки шлемами стоимостью в несколько сотен долларов. Дети из Элм-Хейвена (дети моего поколения) никогда не носили шлемов. Как ни странно, мы не слышали ни об одном погибшем или парализованном в результате черепно-мозговой травмы ребенке. Рано или поздно каждый перелетал через руль, но результатом были царапины и синяки, а не остаток жизни, проведенный на больничной койке в виде овоща.)

Как бы то ни было, в нашем районе каждый ребенок, приближающийся к велосипеду, не только всегда упакован в шлем, словно фашистский штурмовик, — велосипед еще и снабжен торчащим ввысь десятифутовым шестом, на котором болтается оранжевый флажок с надписью: «Пожалуйста, не сбивайте меня!» В последние годы знакомым соседским мальчишкам младше четырнадцати не разрешали выезжать из поля зрения родителей. Да и после четырнадцати — только до конца квартала и обратно. И даже на подобном скромном расстоянии (на такое дети из Элм-Хейвена спокойно отъезжали в семь лет, и никто не понимал шум) матери наблюдали за ними пристально, словно ястребы.

Вот вывод, приведенный в одном отрезвляющем британском исследовании 2001 года Джилл Валентайн и Джоном Маккендриком:

Игры на открытом воздухе и без присмотра ограничивает не недостаточное количество площадок или оборудования, но тревога родителей, волнующихся о безопасности детей. Родители дума-

ют, что сегодня дети подвергаются большему риску, чем во времена их собственного детства. Во всех исследованиях, касающихся родительских страхов, фигурируют два самых значительных — ребенка похитит незнакомец или собьет машина. Тем не менее, несмотря на все возрастающую тревогу, реальная ситуация такова, что сегодня безопасность детей, как никогда, высока.

«Погодите! — скажете вы. — Но это в Британии. А здесь в Америке под каждым кустом караулит похититель детей, педофил, псих, убийца!»

Так ли это?

По статистике, американские дети, проживающие за пределами центральных городских районов с их зонами поражения, то есть обитатели пригородов, небольших городков и сельской местности, в наши дни находятся в такой же безопасности, как и дети в 1940-х, 50-х, 60-х годах и далее до конца двадцатого века и после. Это мы, взрослые (мы, родители), не верим, что дети будут в безопасности, если вырвутся из нашего непосредственного поля зрения, из-под контроля старших. (Несмотря даже на свидетельства тех же исследований о том, что многие из вышеупомянутых «педофилов» в конечном итоге работают в школах, на площадках, в детских садах и спортивных школах и осуществляют тот самый «контроль», тогда как раньше дети безопасно и свободно бродили сами по себе и не подвергались подобным опасностям.)

Но в круглосуточных теленовостях рассказывают про каждую объявленную в стране тревогу в связи с исчезновением ребенка. А в полицейских фильмах и сериалах постоянно похищают, убивают и пытаются детей.

Взрослые идут наперекор здравому смыслу (не говоря уже о своих собственных воспоминаниях о детстве, когда они были одиннадцатилетними мальчишками и девочками, свободно бродили по окрестностям и играли со сверстниками) и перестраховываются.

И таким образом, превращают своих детей в пленников.

А пленников этих, как пациентов психиатрических лечебниц, умиротворяют и удерживают в заключении при помощи транквилизаторов — мобильных телефонов, компьютеров, айпадов, айпэдов, телевизоров, эсэмэсок и других стеклянных титек.

Но я до сих пор утверждаю, и меня поддержат участники Велосипедного патруля — Майк, Дейл, Кевин, Лоренс, Дуэйн, Харлен, Корди и другие: если вы, взрослые, крадете у детей время и пространство, вы крадете и само детство.

Смерть ребенка в романе

И все же...

И все же...

Один из персонажей «Лета ночи», ребенок, погибает. (Прошу прощения, если это спойлер, но больше я не выдам ни одной важной детали, так что вы не догадаетесь, о каком именно персонаже идет речь.) (Разве что это мальчик.)

Мне очень трудно было описывать эту смерть не только потому, что погибает ребенок, или потому, что смерть одного из главных героев всегда тревожит автора, создателя этого персонажа. Следует отметить, что, хотя довольно много написано о том, как влияет смерть ребенка на родителей, найдется очень мало исследований (социологических, психологических или художественных), посвященных влиянию смерти ребенка на его друзей и ровесников из его окружения. (Один из лучших анализов подобной травмы — когда ребенок теряет друга — в художественной литературе, который мне попался, — это малоизвестный роман Уэлдона Хилла «Долгое лето Джорджа Адамса»¹.)

Персонаж, погибший в «Лете ночи», был глубоко интересен мне и в реальности, где я его знал, и в романе, где я воссоздал его, смешав с другим своим хорошим другом. Одного из этих друзей, характеры которых я взял за основу персонажа, убили.

Более того, «Лето ночи» — наиболее автобиографичное произведение из всех мною написанных, и персонажи, хоть и вымышленные, глубоко меня трогали. Еще когда я в 1990 году писал этот роман, я знал, что они, возможно, еще появятся в других моих рассказах, повестях и романах, хотя мне не очень импонирует подход, при котором автор рассовывает одних и тех же героев по разным своим книгам.

¹ Weldon Hill. *The Long Summer of George Adams*. Philadelphia: D. McKay Co, 1961.

И точно, один из персонажей-мальчишек (который, как я узнал, спустя чуть меньше десятилетия после событий в Элм-Хейвене потерял ногу на вьетнамской войне) перебрался в Румынию и стал священником (и одним из двух главных героев) в романе «Дети ночи». Я был рад снова встретиться с ним и обнаружить, что, несмотря на увечье, он остался все тем же великодушным храбрецом, которого я знал еще ребенком в «Лете ночи». Еще через несколько лет он, уже перестав быть священником, промелькнул в качестве второстепенного персонажа (безымянного пилота вертолета на Гавайях) в романе «Костры Эдема», и я был страшно доволен, узнав, на ком он успел жениться после «Детей ночи» и чем теперь занимается.

Храбрая девчонка Корди Кук, «белое отребье» из «Лета ночи», которую я никак не рассчитывал снова повстречать и о которой не рассчитывал услышать, тоже появляется в «Кострах Эдема» важным персонажем второго плана. Сначала я удивился, узнав о ее богатстве, но потом в рассказываемой мною истории обнаружилась причина, и я все понял. Упорства Корди всегда было не занимать.

Еще один мой любимый герой-мальчишка из «Лета ночи» появляется важным персонажем второго плана в ироническом триллере 2000 года «Бритва Дарвина». Тощий младший братишка, отчаянный смельчак из Элм-Хейвена, к 2000-му превратился в калифорнийского специалиста по расследованию несчастных случаев, ростом шесть футов и два дюйма и весом двести тридцать фунтов; у него с женой своя собственная фирма, специализирующаяся на делах о страховом мошенничестве. Его чувство юмора осталось прежним. (И он все так же ненавидел, когда его называли «Ларри».) От этого персонажа мы узнаем кое-что и о том, что стало с его старшим братом.

Еще один участник Велосипедного патруля из Элм-Хейвена 1960 года появляется в качестве главного героя в романе 2002 года «Зимние призраки». Он успел сделаться преподавателем английского языка в Монтане, потерял жену и семью после вполне заслуженного им развода и, страдая от серьезного нервного срыва, принял решение (ужасное или чудесное — на ваш выбор) вернуться на кишашую призраками ферму рядом с Элм-Хейвеном, которая раньше принадлежала его другу детства, и написать там роман.

Как выяснилось, Элм-Хейвен и его застывшие окрестности из зимы 2000-го кардинально отличались от роскошного залитого теплым светом лета 1960-го. Но и главный герой «Зимних призраков» помнил события 1960-го иначе, чем о них рассказывалось в «Лете ночи». Сверхъестественное перестало быть сверхъестественным. Необъяснимое наконец... по большей части... объяснилось.

Когда я писал «Зимних призраков», моей целью было создать эдакую литературную ленту Мёбиуса из двух романов — почти что буквально перекрученную и закольцованную историю с двумя поверхностями, но с точки зрения топологии всего лишь с одной стороной. Можно прочертить карандашом линию по обеим сторонам физической трехмерной ленты Мёбиуса, не отрывая при этом кончик карандаша от бумаги, — точно так же читатель может прочесть «Зимних призраков» и «Лето ночи» как две отдельные истории, две отдельные, но равные (и странным образом взаимозависимые) реальности, которые обе тем не менее основаны на одних и тех же событиях.

Когда читатели говорят мне, что собираются прочитать обе эти книги, и спрашивают, с чего начинать: с «Лета ночи» или с «продолжения» — «Зимних призраков», я пытаюсь объяснить (и не всегда успешно), что второй роман — это на самом деле никакое не продолжение и не важно, с какой книги начинать. С чего бы вы ни начали, второй роман поможет прояснить второй. (Не важно, где вы приложите карандаш к бумаге, чтобы начертить бесконечную линию на ленте Мёбиуса.)

Но в «Зимних призраках» есть «привидение». Это привидение — неизгладимое воспоминание о персонаже-мальчишке, у которого было бесчисленное число возможностей в будущем и который погиб слишком рано, слишком жестокой смертью. Какое бы объяснение его гибели ни выбрал читатель, сама гибель окончательна и бесповоротна.

Или нет?

Как выяснилось, смерть одного из героев «Лета ночи» расстроила не одного меня. Во многих письмах, полученных мною из разных уголков света после публикации романа в 1991-м, корреспонденты требовали, чтобы я «воскресил персонажа». (Произошло ли это в «Зимних призраках» — решать читателю.)

В сердитых (или расстроенных и великодушных) письмах, обычных и электронных, приводились сложные схемы, объясняющие, каким образом этот интересный (и уязвимый) персонаж на самом деле не погиб: его просто унесли и законсервировали под каким-нибудь фермерским полем рядом с Элм-Хейвеном. (И прочее в том же духе.)

Много лет спустя, когда знакомая художница на сто двадцать пятую годовщину Центральной школы в моем колорадском городе, где я преподавал одиннадцать лет, создавала огромное настенное керамическое панно с ее изображением, многие спрашивали: «А кто тот грустный мальчик, выглядывающий из окна второго этажа школы?»

Это мой потерянный герой из «Лета ночи», и таким образом художник смог сделать так, чтоб он остался жить.

Дети, внезапно ставшие целевой аудиторией для коммерции

Огромная разница между детьми из Элм-Хейвена 1960-го и сегодняшними заключается в том, что мощнейшая машина американского капитализма, занятая рекламой и продажами, тогдашних детей из Элм-Хейвена пока еще для себя не открыла.

Самым ценным и дорогим имуществом любого мальчишки из Элм-Хейвена был велосипед, и этот велосипед у всех (за исключением разве что Кевина) либо переходил по наследству от старших братьев и сестер, либо покупался родителями, но весьма и весьма подержанным. Мальчишки обожали свои велосипеды и не могли без них обходиться (в конце концов, это ведь благодаря велосипедам они свободно перемещались на немалые расстояния, а свобода воспринималась ими как должное). Хотя велосипеды и валялись по ночам перед домом и никто не боялся, что их украдут (за исключением того случая, когда негодяй Чак Комптон и его мерзкий прихвостень Арчи — это настоящие имена из моего прошлого — действительно их украли), мальчишки в основном обращались со своими бесценными средствами передвижения довольно небрежно. В частности, ребята из Элм-Хейвена (за исключением Кевина) имели привычку на полном ходу соскакивать с велосипедов, так что те сами по себе катились че-

рез чей-нибудь двор и падали или врезались в стену курятника Майка.

Еще одной действительно ценной вещью, которой обладал каждый мальчишка из Элм-Хейвена, была бейсбольная перчатка. Эти перчатки, дряхлые и по несколько раз перетянутые, не имели цены, поскольку почти все ребята не только выступали в команде «малой лиги» своего городка (и ездили в ближайшие, например в Кикапу в Иллинойсе, где на питчерской горке властвовал великий и ужасный Дейв Эшли), но еще и играли в бейсбол неделями напролет с утра до ночи на школьном поле, располагавшемся за домами Дейла, Лоренса и Кевина, на северной стороне городка, где начинались бесконечные фермерские поля.

Но, кроме этих сокровищ (велосипедов и бейсбольных перчаток), остальное имущество мальчишек из Элм-Хейвена (за исключением Кевина Грумбахера, Чака Сперлинга и еще нескольких «богатеев») было драным, подержанным, перешедшим по наследству от старших или и первое, и второе, и третье сразу.

Мальчишки щеголяли в универсальном детском наряде — футболках и закатанных джинсах (довольно жестких по нынешним меркам). Из логотипов на футболке могла быть изображена разве что эмблема бойскаутов (такую футболку любил носить Дейл Стюарт). Лоренс и Харлен предпочитали старые форменные рубашки бойскаутов младшей дружины, от постоянных стирок сделавшиеся мягкими и тонкими и такие короткие (по крайней мере, у Джима Харлена), что выцветшие синие манжеты едва прикрывали локти.

Сама идея дизайнерских этикеток и логотипов показалась бы мальчишкам из Элм-Хейвена и их родителям дикой (исключением составляло разве что незаметное слово «Levi» на пуговицах джинсов).

Летом ребята из Элм-Хейвена носили простые или высокие кеды. Старые. Очень-очень старые. Носки и пальцы ног торчали почти из каждой такой пары обуви. Здесь выделялся только Дуэйн Макбрайд (этот толстяк весь состоял из исключений), который носил свои древние черные кеды круглый год. (А еще выцветшие вельветовые штаны и фланелевые рубашки, даже в самую жару.)

Здесь следует отметить, что у всех мальчишек из Элм-Хейвена, даже у бедняков вроде Майка О'Рурка, у которого в доме из

водопровода имелась только раковина с насосом, поэтому в туалет даже в самые холодные зимние ночи приходилось ходить на улицу (нужник, к несчастью для Велосипедного патруля, располагался прямо рядом с тем самым курятником, что очень удручало в жаркие летние деньки), так вот, у всех тем не менее, кроме «одежды для игр», была припасена отдельная «школьная одежда». Обычно джинсы в школу не надевали, а если все-таки надевали, то заправляли в них рубашку с воротником. Почти у каждого мальчишки была пара ботинок для школы, старых и разбитых, но эту обувь, как и самих ребят, тем не менее можно было несколько раз в год начистить до блеска.

Только Дуэйн Макбрайд каждый день носил одни и те же кеды и одежду.

Весь гардероб обычного мальчишки из Элм-Хейвена, вышедшего прогуляться летним деньком, можно было бы оценить доллара в четыре с половиной — и то лишь когда те самые джинсы, футболка и кеды были еще новыми.

Порицание коммерциализации уже стало общим местом. (Хотя мне нравится, как это делает юный Элвин Гринман в образе Альфреда, пухлого молодого уборщика, из фильма 1947 года «Чудо на 34-й улице», который втолковывает Эдмунду Гвенну (уж точно настоящему Санта-Клаусу): «Ну да, в нашем мире полно всяких поганых „аций“, но одна из худших — это коммерциализация. Зашибай деньгу. Даже в Бруклине то же — и не важно, что символизирует Рождество, просто зашибай деньгу».)

Это было в 1947-м. Альфреду (и Санта-Клаусу) пришлось бы расстаться с челюстью, увидь они «коммерциализацию» двадцать первого века.

Пока я восемнадцать лет работал школьным учителем (да и после), моим наставником в важных вопросах образования был Нил Постман, писатель, критик, занимавшийся культурой и СМИ, и неизменный гуманист. Хотя Постман умер в 2003 году, его мысли о воздействия технологий и культурных изменений на всех нас (но особенно на детей) сегодня актуальны как никогда. В 1971-м я дописывал свой магистерский диплом, готовясь стать учителем, и на тот момент важнейшей эпохальной книгой Постмана было «Преподавание как подрывная деятельность»¹. Из-за

¹ Neal Postman, Charles Weingartner. *Teaching as a Subversive Activity*. New York: Delacorte Press, 1969.

этой книги те, кто Постмана не понимал, сочли его очередным радикалом-шестидесятником. Много лет спустя, в 1979-м, в хаосе, последовавшим за 60-ми, Постман написал «Преподавание как сохраняющая деятельность»¹, и те, кто его не понимал, сочли его консервативным сторонником Рейгана.

Нил Постман выходил далеко за рамки обоих этих несправедливо навешенных ярлыков. Он отлично понимал практически позабытое высказывание Андре Жида: «Единственное настоящее образование — это то, которое вступает с тобой в противоречие»².

Что еще важнее, Постман понимал (и весьма красноречиво мог это объяснить), что пространство, место и понятие «детства», как мы его понимаем, не существовало для взрослых (и детей) до конца восемнадцатого века и было практически уничтожено к концу века двадцатого. (Как художник и любитель искусства, я очень хорошо осознавал первую часть этого утверждения: в течение многих веков на картинах и портретах детей просто-напросто не изображали в их естественных пропорциях, по крайней мере до начала девятнадцатого века. До середины восемнадцатого века дети везде представляли в виде эдаких уменьшенных взрослых с неправильными пропорциями головы и туловища, и дело тут было далеко не только в художественном упрощении. Художники, как и остальные их современники, просто-напросто считали детей маленькими взрослыми и изображали их соответственно.)

Эпоха, когда детство наконец признали отдельным самостоятельным периодом в жизни, периодом, для которого действуют другие правила (иными словами, периодом, когда дети не должны подвергаться тем же ужасам, требованиям, явлениям, которые составляют бремя взрослого человека), наступила по-настоящему только после изобретения печатного станка, когда люди дошли до предположения о том, что детская информационная среда должна отличаться от информационной среды взрослых (должна подвергаться бóльшим ограничениям).

И эта защитная стена рухнула. (Фактически, я представляю себе конец детства, наблюдаемый мною в конце двадцатого века,

¹ Neal Postman. *Teaching as a Conserving Activity*. New York: Delacorte Press, 1979.

² А. Жид. *Дневники*. Запись от 17 сентября 1935 г.

в виде исчезнувшей двери в родительскую спальню. Больше от детей не скрыто ничего из того, чем занимаются — включая секс, — о чем думают, говорят, спорят или волнуются взрослые, в том числе и родители.)

Повинуясь неосознанной привычке, мы приветствуем все технические и культурные революции последних десятилетий, но есть одна революция, над которой стоит задуматься.

Именно эта революция, провозглашенная почти всеми нами (включая родителей), убила мир детства, которым так наслаждались Дейл, Лоренс (ни в коем случае не Ларри), Майк, Кевин, Харлен, Корди, Донна Лу и многие другие ребята из Элм-Хейвена 1960-го. Постман пишет об этой революции, которая исключила понятие отдельного и защищенного детства, как его понимали в восемнадцатом и девятнадцатом веке, сделала его практически невозможным.

Я, разумеется, имею в виду «информационную революцию», из-за которой стало невозможно хранить от детей секреты — секреты, касающиеся секса, политики, социальной сферы, истории, медицины, то есть взрослой жизни в полном объеме, а ведь ее необходимо хотя бы частично скрывать от детей, если допустить существование этапа, известного как детство.

*Н. Постман. Мост в восемнадцатый век:
как прошлое может улучшить наше будущее¹. С. 124*

Без отдельных секретов и недомолвок нельзя создать защитный барьер между детством и самыми тяжелыми аспектами взрослой жизни.

Детям из Элм-Хейвена казалось, что они имеют дело с ужасающими враждебными потусторонними силами: злобным и разумным колоколом Борджа в башне Старой центральной школы, мертвым пехотинцем, вернувшимся с того света, чтобы преследовать Мемо, неопишуемым труповозом, — но дети никогда всерьез не подумали бы обратиться за помощью к родителям или другим взрослым (за единственным исключением, когда Майк пошел к молодому священнику, но это оказалось очень плохой идеей).

¹ Neal Postman. *Building a Bridge to the Eighteenth Century: How the Past Can Improve Our Future*. New York: Alfred A. Knopf, 1999.

Симмонс Д.

С 37 Лето ночи : роман / Дэн Симмонс ; пер. с англ. О. Брусовой, Д. Кальницкой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 736 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-16582-3

«Лето ночи» — от Дэна Симмонса, прославленного автора «Террора» и «Друда», «Пятого сердца» и «Темной игры смерти» и знаменитой эпопеи «Гиперион» / «Эндимион». Это книга о последнем лете детства. О том времени, когда мы тесной компанией пропадали в лесу и на речке, наперегонки гоняли на велосипедах, пугали друг друга страшилками про гроб на колесиках и черную руку. Ведь еще чуть-чуть — и каждый пойдет своей дорогой; а потом будет всю жизнь вспоминать это особенное время, когда мы были безоглядно счастливы и абсолютно свободны, а за каждым углом поджидали небывалые приключения. Атмосферу провинциального городка Симмонс воспроизводит с той же любовью и яркостью, с какой Брэдбери в «Вине из одуванчиков» изображал свой Гринтаун. И вот ты уже готов верить в зло, древнее, как боги Египта, и коварное, как семейство Борджа...

Перевод публикуется в новой редакции, с авторским предисловием для юбилейного издания.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЭН СИММОНС
ЛЕТО НОЧИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.06.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

Y-ABB-25842-01-R